

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА СЛУЖБѢ.

Глава I.

Плохо-ли, хорошо-ли, но жизненная подготовка закончена. Остается одно — военная служба. Воинскую повинность Корвадскій долженъ отбыть вольноопредѣляющимся.

Подумавъ и кое съ кѣмъ посовѣтовавшись, онъ рѣшилъ поступить въ саперный баталіонъ.

— Тамъ и строя поменьше, и дѣло само интересное.

Собравъ всѣ необходимыя бумаги, Корвадскій отправился въ саперный баталіонъ.

Былъ конецъ сентября. Деревья уже облетѣли, но солнце еще ярко свѣтило и грѣло. Сидя у окна трамвая, Корвадскій посматривалъ на пѣшеходовъ, невольно отмѣчая изъ нихъ военныхъ... Вотъ прошли двое солдатъ и ловко козырнули встрѣчному офицеру съ бѣлыми выпушками на погонахъ. Тотъ принялъ

честь, кинулъ на солдатъ быстрый, но внимательный взглядъ и прошелъ дальше.

На остановкѣ въ вагонъ вошелъ полковникъ съ малиновыми кантами и портфелемъ въ рукахъ—военный судейскій... Тронувъ рукой русую бородку, полковникъ полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ и поглядѣлъ на Корвадскаго.

— А вѣдь мнѣ передъ нимъ тянуться придется, — подумалъ тотъ.

Около комендантскаго взадъ и впередъ ходилъ часовой, въ безкозыркѣ съ желтымъ околышемъ; походка у него легкая, сильная, и когда было нужно, часовой ловко поворачивался кругомъ.

— И мнѣ придется такъ-же стоять на часахъ, — мелькнуло въ головѣ.

Широкія улицы съ большими магазинами и дорогими отелями смѣнились старинными — узкими, темными и мрачными; дальше потянулись длинныя и грязныя улицы предмѣстья, населеннаго еврейскою бѣднотой; затѣмъ пошли фабрики, заводы, густо запахло кожей, дубовой корой, и вырвавшись наконецъ за городскую черту, трамвай покатился вдоль длинной кладбищенской стѣны; замелькали могильныя плиты, памятники, кресты, часовенки надъ склепами... Пробѣжавъ петлю, трамвай остановился у церкви — конецъ. Дальше надо итти пѣшкомъ.

Корвадскій подошелъ къ кондуктору.

— Вы не знаете, гдѣ тутъ саперныя казармы?

— Да онѣ отсюда видны. Перейдите черезъ желѣзную дорогу и за насыпью, направо увидите дере-

вянные бараки, длинные такіе. Это и будетъ саперный баталіонъ.

Корвадскій пошелъ, какъ указалъ кондукторъ; нырнувъ подъ опущенный шлагбаумъ, онъ перебѣжалъ черезъ двѣ пары ярко блестящихъ рельсъ, поднялся на насыпь и зашагалъ по обсаженной кустами неширокой алейкѣ.

Когда кусты кончились, онъ увидѣлъ большое ровное поле съ притоптанной травой, а за полемъ — рядъ низенькихъ сѣрыхъ бараконъ. Между бараками тянулся высокій досчатый заборъ, и все въ цѣломъ представляло громадный, замкнутый со всѣхъ сторонъ четырехугольникъ.

Двое воротъ — у ближняго и у дальняго угловъ — были настежь открыты, и у каждаго воротъ маячила солдатская фигура.

— Куда итти?

Подумавъ, Корвадскій пошелъ наугадъ по дорожкѣ, что вела до ближайшихъ воротъ.

— Какъ тутъ пройти въ канцелярію баталіона? — робко спросилъ онъ солдата у входа, перебирая потными руками конвертъ, набитый бумагами.

— Богъ его знаетъ, можно-ли еще говорить съ часовыми, — подумалъ будущій воинъ.

Видимо страшно скучавшій отъ бездѣлья солдатъ, бросилъ прутикъ, которымъ онъ тыркалъ въ дыру отъ сучка въ заборѣ и, быстро повернувшись къ Корвадскому, показалъ ему — не лицо, а рышку мѣднаго цвѣта — круглую, толстую, едва помѣщавшуюся подъ козырькомъ. Добродушные голубые глаза быстро обѣжали Корвадскаго съ головы до ногъ, остановились на

конвертъ и опасливо покосились на ближайшій баракъ.

— Баталіонная канцелярія-то? Да какъ хотите, такъ и пройдите — можно вотъ въ эти ворота и потомъ черезъ дворъ, а то ближе будетъ по тропинкѣ до слѣдующаго сторожевого. Видите, вонъ тамъ стоитъ?

— Вижу, вижу...

— Это и будетъ самая канцелярія...

И поглядѣвъ на конвертъ, спросилъ:

— Можетъ, въ вольноопредѣляющіе поступаете?

— Въ вольноопредѣляющіеся...

— Въ добрый часъ!.. Вакансіи, слыхать, есть. Вотъ такъ прямо и ступайте!.. А тамъ вамъ укажутъ. Самъ-то командиръ еще у себя, онъ въ этомъ баракѣ живетъ, подождать придется вамъ...

— Ничего, спасибо...

Солдатъ откозырялъ и съ минуту глядѣлъ вслѣдъ уходившему Корвадскому; потомъ поднялъ щепочку и началъ осторожно расщеплять ее на отдѣльныя волокна; разломавъ, онъ подбросилъ обломки на воздухъ, внимательно посмотрѣлъ, какъ падала истерзанная щепка на землю и, повернувшись лицомъ къ забору, сталъ выискивать новую дыру для изслѣдованія.

А Корвадскій тихо шелъ по дорожкѣ, по пути заглядывая въ раскрытыя окна бараковъ; изнутри доносился говоръ солдатскихъ голосовъ, мелькали стриженные головы, виднѣлись пирамиды для винтовокъ, простыя, на желѣзныхъ козлахъ кровати, аккуратно застланныя одѣялами песочнаго цвѣта.

У одного окна сидѣлъ унтеръ-офицеръ съ продолговатымъ лицомъ и густыми бровями. Онъ о чемъ-то думалъ, глядя на вынутый затворъ винтовки, и морщился отъ сильнаго солнечнаго свѣта. На койкѣ рядомъ лежалъ бѣлокурый солдатикъ, совсѣмъ еще мальчикъ, безъ сапогъ, стараясь поймать себя за пятки.

— Калининъ, — вдругъ оживился унтеръ-офицеръ, — чего ты валяешься на постели?

— Господинъ взводный, я вѣдь изъ караула вернулся... Ужъ и полежать нельзя, — несоразмѣрно густымъ басомъ отвѣтилъ бѣлокурый...

— Лежать-то ты можешь, а вотъ чего ты одѣтымъ валяешься, да за пятки себя хватаешь, словно младенецъ какой!..

— Эй тамъ, — слышится изъ другого окна, — кому очередь на кухню итти?

Отвѣта не послѣдовало...

— Какъ ѣсть, такъ всѣ ѣдятъ, а какъ на кухню — такъ никого... Ермашкинъ, Пасыкинъ, вѣдь ваша очередь!.. — укорялъ тотъ-же голосъ.

— Вчера на кухню, сегодня на кухню, — пробурчали въ разбивку два недовольныхъ голоса.

— А кто-жъ за васъ пойдетъ, Пушкинъ что-ли?..

У дальнихъ — вторыхъ — воротъ, на площадкѣ, посыпанной пескомъ, похаживалъ другой сторожевой. Онъ дѣлалъ пять шаговъ въ одну сторону, пять — въ другую, и все время вертѣлъ головой. Сразу можно было догадаться, что постъ — опасный, начальство можетъ появиться и спереди и сзади, и справа и слева.

Въ противоположность первому сторожевому, второй былъ посубтильнѣе, повыше, и лицомъ похудѣе. Но было и общее между ними—выраженіе кромѣшной скуки и весьма яснаго желанія — поскорѣе уйти со своего поста.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ баталіонная канцелярія?

— Баталіонная-то? — оживился сторожевой, — баталіонная-то тутъ, въ этомъ баракѣ. Въ первой половинѣ офицерское, значить, собраніе, а во второй — и есть канцелярія.

— А какъ пройти?

— А въ другое крылечко, тамъ и дверь найдете... первое-то — въ офицерское собраніе ходють..

Корвадскій вошелъ во дворъ и, дойдя до второго крылечка, поднялся на четыре ступеньки, прошелъ небольшія сѣнцы и сразу очутился въ совершенной темнотѣ. Вытянутая наугадъ рука встрѣтила что-то податливое; онъ толкнулъ — скрипнула дверь, показался свѣтъ, и запнувшись о порогъ, Корвадскій вошелъ въ просторную переднюю.

За деревяннымъ барьеромъ, стояло нѣсколько телеграфныхъ аппаратовъ, а за аппаратами сидѣло трое солдатъ-саперовъ; одинъ стучалъ на аппаратѣ, второй зѣвалъ, а третій дремалъ.

Въ переднюю выходило три двери; на средней висѣла бумажка: канцелярія N-аго сапернаго баталіона. При появленіи Корвадскаго, стучавшій пересталъ стучать, зѣвавшій закрылъ ротъ, спавшій — проснулся, а вѣстовой, сидѣвшій около барьера, даже поднялся,

и четыре пары глазъ уставились съ любопытствомъ на вновь пришедшаго.

— Вамъ что угодно?

Корвадскій объяснилъ.

Всѣ внимательно и даже какъ будто съ удовольствіемъ выслушали его, а телеграфистъ со смышленными глазами сказалъ:

— Надо обратиться къ командиру баталіона. Пройдите въ канцелярію.

Вѣстовой подскочилъ и отворилъ дверь. Корвадскій шагнулъ и очутился въ большой свѣтлой комнатѣ; обстановка казенная: портретъ государя, столы съ бумагами, а за столами какіе-то люди въ военной формѣ.

На стѣнѣ, между окнами висѣла бумажка — дѣлопроизводитель. Дѣлопроизводитель — водянистаго вида пожилой мужчина, въ черномъ чиновничьемъ сюртукѣ съ побѣлѣвшими швами — наливалъ изъ кипѣвшаго самовара стаканъ и поглядывалъ на сахарницу изъ толстаго стекла.

Видъ у него совсѣмъ домашній; его раздавшаяся фигура, неторопливость, разстегнутыя нижнія пуговицы сюртука, самоваръ и мирное чаепитіе — все свидѣтельствовало, что онъ чувствуетъ себя здѣсь вполне удобно.

— Вамъ кого-съ? — спросилъ онъ, накладывая сахаръ длинными, пухлыми пальцами.

— Мнѣ нужно отбыть воинскую повинность. Я пришелъ справиться, нельзя-ли отбыть ее въ вашемъ батальонѣ?

— Вольноперомъ, значить? — и дѣлопроизводи-

тель прищелкнулъ пальцами, чтобы отряхнуть сахарныя крошки...

— Такъ точно, — отвѣтилъ Корвадскій.

— Иванъ Петровичъ, — обратился дѣлопроизводитель къ кому-то за спиной Юры, — вакансіи есть у насъ?

Корвадскій оглянулся назадъ. У входа, за длиннымъ столомъ сидѣлъ полковникъ съ академическимъ значкомъ, подстриженный бобрикомъ; надъ столомъ, на стѣнѣ была надпись — завѣдующій хозяйствомъ. Полковникъ оторвался отъ чертежей, взглянулъ на Корвадскаго, на дѣлопроизводителя, подумалъ и сказалъ:

— Должны быть. Въ третьей ротѣ Касперскій ушелъ въ запасъ, во второй — Кожевниковъ уходитъ на днѣхъ. Да адъютантъ лучше меня знаетъ.

— Вакансіи есть, — отозвался смуглый и щеголевато одѣтый адъютантъ и зазвякалъ шпорами, — пусть молодой человѣкъ подождетъ командира батальона. Онъ долженъ скоро притти. Морозъ, — обратился онъ къ писарю, — подай имъ стулъ!..

Морозъ, писарь въ лѣтней гимнастеркѣ и съ фельдфебельскимъ лыкомъ на погонахъ, съ приходомъ Корвадскаго пересталъ стучать на машинкѣ и притворившись, что вычищаетъ резинкой какую-то ошибку, на самомъ дѣлѣ приглядывался къ пришедшему и прислушивался къ разговору.

Соскочивъ съ мѣста, онъ выхватилъ откуда-то стулъ и поставилъ его у своего стола.

— Присядьте!..

На Корвадскаго перестали обращать вниманіе. Дѣлопроизводитель мелкими глоточками пилъ чай, полковникъ шелестѣлъ чертежами, а адъютантъ изъ кипы, лежавшей передъ нимъ, бралъ бумагу за бумагой, прочитывалъ и, подписавъ, откладывалъ въ сторону.

Только писаря, ихъ было трое, изрѣдка, украдкой, съ любопытствомъ поглядывали на посѣтителя. Въ окна ярко свѣтило солнце, въ полоскахъ свѣта тихо крутились пылинки, донеслось откуда-то сердитое клохтанье индюка.

Свернувъ чертежи въ трубочку, полковникъ досталъ толстую лапку съ надписью — «модель новой саперной повозки для телеграфной роты».

— Что это у васъ, Иванъ Петровичъ? — спросилъ дѣлопроизводитель.

— Да вотъ новую модель повозки прислали, а у насъ еще старыхъ довольно.

— Есть кажется разница въ размѣрахъ? — замѣтилъ адъютантъ.

— Да вотъ, посмотрите, разница-то есть, да небольшая, можно и старыя оставить.

И всѣ втроемъ, собравшись у стола, стали разглядывать чертежи, наклеенные на холстѣ.

Въ коридорѣ послышались быстрые шаги, раздалось негромкое: «здорово»... — и скорое захлебывающееся: «здравія желаемъ ваше вскородіе...», дверь въ канцелярію отворилась, и вошелъ высокій, худощавый, съ сильной простѣдью полковникъ.

Офицеры встали, писарей подбросило.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, — замахалъ

руками полковникъ и, поздоровавшись съ офицерами за руку, а писарямъ кивнувъ головой, командиръ батальона прошелъ къ своему мѣсту, подъ царскимъ портретомъ.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ адъютантъ, подавая бумаги на подпись, — тутъ молодой чело-вѣкъ пришелъ, желаетъ поступить вольноопредѣляющимся въ нашъ батальонъ.

— Хорошо, сейчасъ... Спѣшнаго ничего нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ...

— Попросите его сюда!

— Слушаю, — и обернувшись, адъютантъ глазами показалъ Корвадскому на командирскій столъ.

Корвадскій подошелъ и остановился.

Тонкій, въ аккуратно застегнутомъ на всѣ пуговицы сюртукѣ, прямо державшійся полковникъ производилъ впечатлѣнiе настоящей военной косточки. Лицо продолговатое, съ тонкимъ носомъ и свѣтлыми глазами, казалось прiятнымъ.

— Вы хотите поступить къ намъ вольноопредѣляющимся?

— Такъ точно, господинъ полковникъ.

— Бумаги у васъ съ собой?

Корвадскій подалъ конвертъ. Надѣвъ пенснэ, командиръ вынулъ документы и внимательно, одинъ за другимъ, сталъ просматривать ихъ.

— Ну что-жь, — поднялъ онъ голову и посмотрѣлъ на Корвадскаго, — все въ порядкѣ... М-м-морозъ, — немного заикаясь, обратился полковникъ къ писарю, — вотъ бумаги, напиши прошенiе!..

Морозъ взялъ бумаги и сдѣлалъ Корвадскому